

Удобный для себя христианин

Куда уходит вера? Почему так трудно заставить себя ходить в храм? Почему мы, православные, иногда ведем себя хуже людей, которые никогда не задумывались о заповедях? Где Христос в нашей жизни?

В трапезной храма Владимирской иконы Божией Матери, где мы расположились с отцом Игорем, можно проговорить много часов – сотрудники разошлись после обеда, дав отцу настоятелю подробные инструкции, где найти суп и хлеб, мобильная связь в цокольном этаже не ловится. Значит, можно расспросить о наблевшем.

К общению с Богом нельзя привыкнуть

Может быть, некоторые люди, даже некоторые священнослужители не имеют живого общения с Богом. Тогда для них все скучно: скучно молиться, толку нет никакого. Молюсь, молюсь, а толку то? Ни в кармане не прибавилось, ни ума, ни благодати (улыбается).

О проблеме привыкания к духовной жизни говорил еще св. прав. Иоанн Кронштадтский, выступая перед нижегородским духовенством (у него в обычае было ездить по епархиям и встречаться по просьбе духовенства с ними). Отец Иоанн сказал тогда, что нужно благодать живо переживать в себе. Можно привыкнуть к распорядку, к служению, к постоянным вещам, но к благодатному переживанию живого общения с Богом невозможно привыкнуть, потому что это вещь непривыкаемая.

Один монах-экскурсовод в Иерусалиме рассказывал

нам иерусалимское предание: один из служащих в храме Гроба Господня монах возроптал: «Господи, я вот Тебя здесь сорок лет стерегу. А вот что мне за это будет?» И был ему ответ: «Глупец, это Я тебя тут сорок лет стерегу!»

Вот и мы, не имея такого реально живого общения, начинаем унывать. А что такое живое общение? Это экзальтированные пляски с бубнами что ли? Вот у протестантов все получается, аллилуйя, благодать бьет такая, что народ валится на сцене прямо, раздваиваются языки и все исцеляются. Когда нужно сказать что-то о живом общении с Богом в недрах православия – нет ничего такого, что можно показать и противопоставить протестантизму. Потому что я человек грешный, но знаю, что когда я совершаю литургию, я действительно в живом общении с Богом. Это не от меня, но я это именно так переживаю. И это не надуманное состояние, я в этом уверен на сто процентов. Но говорить об этом и пропагандировать это – нечестно с точки зрения самооценки, гордыни, самопревозношения. Об этом невозможно говорить и делиться опытом этим очень трудно в виде интервью. Но для того нам и дана евхаристическая жизнь, чтобы мы этим делились через совместное совершение или предстояние Бескровной Жертве.

Возвращаюсь к отцу Иоанну Кронштадтскому: когда он в порыве литургического дерзновения, когда священники друг друга приветствуют в алтаре словами «Христос среди нас» и в ответ «И есть и будет», отец Иоанн при этом еще добавлял всегда «И есть и будет, Живущий и Действующий». Христос среди нас живущий и действующий. В устах отца Иоанна

это сомнения не вызывало. Мы очень далеко отстоим от него, но это не отменяет того, что у нас должно быть живое общение с Богом. Если его нет, тогда мы действительно привыкнем к простым ритуальным вещам. Они по-своему, наверное, могут сохранять человека в благочестии: помните, отец Александр Ельчанинов говорил, что даже если человек молится холодно и невнимательно, он все равно же с этими словами молитвы связан.

Формальная вера

- Бывает, что благочестие вытесняет собой первый порыв верующего. Наверное, наша тысячелетняя церковная жизнь – утром правило, в субботу и воскресенье – храм, всенощная, литургия, как вечером, некоторые благочестивые люди читают еще Апостол, Евангелие, Псалтирь.

Мне кажется, что этого было недостаточно и в старину. Формальное отношение к вере, доходящее до безразличия, а иногда даже до бесчеловечия в конечном счете привело к духовному кризису в России.

Сейчас есть люди верующие, которые не молятся, не постятся, в храм практически не ходят, но они считают себя верующими, соблюдают внутренне что-то там. Они заповедей, может быть, не знают, разве что выборочно – может быть, не объедайся, не напивайся, не говори неправду. Возможно, Бог вполне принимает от них такое служение в меру их понимания заповедей. Но нужно больше. В Соединенных Штатах многие вовлечены в какую-то в волонтерскую деятельность на приходском или на межприходском

уровне. Люди неделю работают, а свободное время посвящают волонтерскому служению, и это напрямую ими расценивается, как служение Господу. Это позволяет решать большую часть социальных проблем в обществе. А у нас этого пока еще нет.

Есть отдельные какие-то добровольцы, на уровне отчаянных альтруистов-безумцев, которые бросают вызов нашему обществу безразличия. Они иногда даже незаметны, их труд невиден, а когда они сами попадают в проблемные ситуации, то очень трудно им добиться чьей-то помощи. Они людей спасают, а многим все равно. Лиза Глинка бьется по колени в крови, ей помогают, но через какие препоны, препятствия приходится проходить. Сейчас, наверное, мы еще в начале пути. Двадцать лет прошло, как можно открыто быть верующим, но двадцать лет – это еще очень мало. Может, должно пройти еще лет пятьдесят и будет все совсем по-другому.

Заложники старых векторов

Мы в каких-то вещах заложники неправильно выбранных векторов.

Мы сейчас живем в нашей Русской Церкви, в той модели покаянной дисциплины, которая выработалась прошлыми веками. Она была вполне оправдана для людей, которые исповедовались раз в год в лучшем случае, иногда реже. Обязательное говение в соответствии с типиконом, подробная исповедь по разным разделам – по мытарствам, по страстям, по поведям, получение разрешения грехов, допуск до причастия – и дальше жизнь без этого в течение сле-

дующего года или больше.

Когда после революции настали такие тяжелые времена, голоса Серафима Саровского, Оптинских старцев, отца Иоанна Кронштадтского, Московских отцов – отца Валентина Амфитеатрова, отца Алексия Мечева, были услышаны, народ стал чаще причащаться. Но покаянная дисциплина не была пересмотрена. Все равно перед каждым причащением – неважно, каждую неделю ты причащаешься, каждый месяц или каждый день – ты должен исповедоваться.

Я думаю, что возможны более эффективные пути для покаянной дисциплины в наше время. Может быть, не во всем надо брать пример с той же Греческой Церкви, где слишком упростилась эта покаянная дисциплина, и в результате почти никто не исповедуется. Но в Греции есть духовник – не случайный священник, а именно тот, который может быть духовником.

Наша практика, когда священник с первого для после рукоположения должен исповедовать, мне тоже кажется несколько необоснованной, именно в духовном смысле.

Как священник он может выслушать исповедь и совершить таинство покаяния, прощая грехи, но духовником он сможет стать только приобретя реальный пастырский опыт.

Живя по покаянным канонам 16-17 века, большего плода, чем 16-17 век мы, может, и не принесем. Хотя, знаю, что есть люди, которым эта практика не меша-

ет быть честными православными христианами.

Одна женщина – не россиянка, но живет в России, с детства христианка, в сознательном возрасте приняла православие. Занимает высокий пост – менеджер высокого звена. Она рассказала, что когда пришла в православие, поняла, что надо пересмотреть молитвенную практику, молиться по-православному, сами молитвы принять и сам образ молитвы. У нее было очень большое желание молиться, с детства так воспитаны, и она без молитвы не может жить. Тогда у нее не было ни мужа, ни детей, сейчас муж, трое детей и работы очень много. И она так говорит, что Господь свидетель, что те десять минут, которые я вечером бываю в ванной, я бываю только наедине с Ним. Больше у меня нет возможности – люди, работа, дети, семья. А вот эти десять минут – это мое уединение, моя пещера, моя пустыня, это время, которое я могу отдать Богу.

Это искренние слова. Я думаю, что некоторые из наших новообращенных соотечественников предпочитают вообще не молиться, чем в неудобных условиях открыть сердце и ум Богу.

Есть примеры людей, которые очень заняты, занимают ответственные посты, но они не формальные христиане православные, а настоящие. И даже их занятость не мешает им быть по воскресеньям на литургии и причащаться вместе с семьей.

Мы разобщены очень сильно. Пока приход не будет родным домом, люди будут в одном храме находиться годами и быть чужими.

И считать, что это нормально: у меня свои проблемы – не трогайте меня, а я вас не буду трогать, но я за вас помолюсь, и Господь вам все даст и все будет хорошо, а пока до свидания.

Кого диавол поодиночке перещелкает

Я думаю, что приход многое в себя может вместить, когда он будет действительно центром деятельной христианской жизни. Святейший Патриарх несколько раз уже говорил об этом прямым текстом. Иного пути нет. Иначе нас в этом комфортном христианском состоянии диавол поодиночке и перещелкает. Достаточно проехать в автобусе лишний раз, чтобы убедиться насколько люди чужие друг другу, как с легкостью выпускают агрессию и с этим же приходят в храм. Это же не откуда-то там из космоса прилетает, с седьмого неба.

Пока воцерковлением будет называться навык к совершению правила и по определенным дням хождение в храм плюс и какие-то добрые дела для самоотчетности и какой-то минимальный набор догматических знаний, пока воцерковление не будет затрагивать всецело жизнь личности, тогда трудно будет говорить о таком цельном воцерковлении человека.

Правильный уровень духовного комфорта

Если человек попадает в тупик, его накрывает безразличие, духовная интроверсия, это, значит, он не понял, чего от него хочет Христос в его личной церковной христианской жизни. Он должен понять, что

он должен стать святым, как Бог, а он стал удобным для себя христианином! Он не стал святым, он достиг определенного уровня духовного комфорта. Как есть у нас удобная кухня, руку протянул – тут горячая вода, кнопку нажал – тут чайник заработал, налил чая, все под рукой. Я знаю, какие-то ответы на основные вопросы христианской жизни.

Я знаю, как помолиться за болящих, вот на этой странице открою – там молитвы за болящих, на этой страничке открою – тут молитва за путешественников. Я слова все понимаю, я знаю, о чем тут молятся. Я знаю, как поблагодарить Бога после еды, живут во мне эти слова. Все, и больше ничего не надо. Но Бог хочет, чтобы были святыми, как Он – «Будьте святы, как Я свят». Я сам этого не понимаю, как это должно быть, но мы видели же примеры святых людей.

Самый простой и ближайший к сегодняшнему дню – это Патриарх Павел. Однозначно, что этот человек стал святым. Прославит его Церковь или нет – это другой вопрос, но вот та святость на уровне Евангельского понимания этих слов, а не церковно-исторического, вполне у него есть, в этом многие современники, соотечественники, убеждены сейчас уже.

А рядом можно поставить удобного христианина и будет видна разница сразу.

Но людей сравнивать – это не всегда благородное занятие, потому что мы глубин человеческих не знаем. Иногда можем сравнить на внешний взгляд и совершим грех. У человека, которого мы считали по-

верхностным и формальным, вдруг окажется такая внутренняя глубина, которую он или по смирению или по стеснению, не открывал никому, а Бог это видел. Поэтому можно сравнивать с Христом.

Охлаждение приходит, когда человек неправильно понял конечную цель христианской жизни. Как батюшка Серафим говорил о стяжании Духа Святаго. Это то же самое, что и стать святым – приобрести благодать Святого Духа, которая будет действовать в тебе, иметь решающее значение и мотивацию в твоих поступках, неважно кто ты – менеджер, священник или мать-домохозяйка.

- Человек в течение многих лет ходит в храм, ходит на исповедь, читает молитвы, достигая до гастритов, почти перестал ходить в храм, потому что особо не видит смысла в церковной жизни – раз в месяц причаститься еще можно, но вычитывать – выстаивать... В Бога верит. Как ему снова найти Бога, как заново открыть Церковь, чтобы она стала источником благ духовных?

Для этого человеку важно понять сердцем и умом, в какой тупик он попал. Понять, что смысл жизни с Богом состоит не только (и не столько) в исполнении того и того.

Прошу понять меня правильно – я не против правил, канонов и церковных преданий. Они составляют опыт Церкви за 2 тысячи лет. Пусть этот опыт не всегда адекватно впитывается детьми Церкви, но он часть церковной жизни. Но не самоцель ее.

Если человек понял это, то ему надо от всей души за-

плакать перед Богом и просить Его о преобразении, о даровании духа трезвой рассудительности и смирения (в настоящем понимании этого слова), о мире в сердце.

Необходимо понять, что Христос — самый быстрый в мире бегун, например: сколько бы я сам не старался в жизни убежать от Бога, Он всегда настигал меня, обгонял и вел за собой, выводил из самых запутанных тупиков жизни.

- Как новоначальному правильно войти в церковь? Как не запутаться во всех уставных установлениях, как жить в Церкви так, чтобы была духовная жизнь, чтобы в ней был Христос?

У новоначальных должны быть трезвомыслящие помощники в Церкви. Самому трудно войти в жизнь во Христе.

Наша общая задача — не столько обращать людей в православие, сколько ненавязчиво помогать человеку открыть для себя неизмеримый и прекрасный мир святоотеческого православия, чуждый мифов, легенд и бабьих басен.

В христианской жизни очень важно идти не от правил и параграфов — «как правильно?», а стараться войти в литургическое пространство Церкви, основа которого — Евхаристия, соединение со Христом, деятельное, живое, и все окружающее и служащее Евхаристии — храм, икона, богослужение, устав, иерархия есть неисчислимое сокровище Церкви, достояние каждой души, жаждущей Бога.

Только у человека должна быть эта жажда, смиренное дерзновение прорваться через свою немощь, а иногда и пустоту души к Тому, кто может ее исцелить и наполнить настоящей жизнью. А это не одно и то же, что исполнить то или иное правило и быть покойным и равнодушным...

Как сегодня быть христианином?

- Сегодня быть христианином – то же самое, что и 2 тысячи лет назад, жить по Слову Христа, иметь ко всем деятельную любовь и не иметь ненависти ни к кому. Я помню, что на заре моего личного христианства на меня очень большое впечатление произвели слова преп. Паисия Величковского, которые он положил себе за правило с самой юности: первое – ближнего своего не осуждать, хотя бы собственными глазами видел его согрешающим; второе – ни к кому не питать ненависти; и, третье – от всего сердца прощать обиды.

Жить Христом – это пребывать в молитве, потому что христианство не теория, да и само слово «христианство», наверное, изобретено какими-нибудь европейскими профессорами в Новое время. Сочетать всякое свое дело с молитвой, как поступали святые отцы. И мерой всему полагать Евангелие, Благоую Весть о нашем спасении, проверяя себя Словом Бога Живого каждый день и каждый час — и в храме, и вне его.

Протоиерей Игорь Пчелинцев